

— Жаль, населения у нас только до пятого ряда хватает...

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

КРОКОДИЛ

№ 10 (1624)

ГОД ИЗДАНИЯ 39-й

10 АПРЕЛЯ 1961

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ВРЕДИТЕЛИ

У КОГО ДОРОЖЕ СВИНИНА? ♦ КУДА ПРОПАЛИ 1 400 ЦЕНТНЕРОВ ЗЕРНА? ♦ ДАЙТЕ ЖАЛОБНУЮ КНИГУ!

Зарапортовались

В Татарском районе, Новосибирской области, вспыхнула острая болезнь — недержание рапортов. Не успевал в поле созреть колосок, как руководители совхозов молниевали в район:

«План хлебосдачи выполнен!»
В ответ задорными кастаньетами гремели бухгалтерские счета, таторили арифмометры. Район, словно влекомый надувными шарами, поднимался на первое место.

Звучно рапортуя о хлебосдаче, руководители колхозов и совхозов смотрели, так сказать, «в корень» — оформляли на «временное хранение» хлеб, который еще находился на корню.

Уборка урожая в отличие от победных реляций прошла далеко не так гладко. В результате бодрячек из совхоза «Киевский» пришлось, дабы не ударить в грязь лицом, сдать две тысячи центнеров зерна из семенного фонда. Но все равно совхоз остался по хлебу в долгу.

Председатель колхоза Трикоз сдать семена убоялся. И впоследствии он конфузливо признался, что-де он как бы пошутил: 1 400 центнеров означенного в рапорте зерна не было и в помине. В невинной шутке раскаялся и председатель колхоза «Дружба» Буров. Руководители зарапортовались в общем и целом так, что Татарский район написал почти 40 тысяч центнеров зерна!

Но не хлебом единым выполняются обязательства. А потому были проданы те же манипуляции с молоком, яйцами и шерстью. С яйцами еще кое-как выкрутились: прошлись по селам с кошелками и закупили. А с шерстью ничего не вышло. Председатель райзаготконторы тов. Гаврилов лично снарядил караван с валенками в Омскую область. Не удался натуральный обмен. Горячие головы предложили было переработать валенки на шерсть или настричь оную с полшубков. Но благодаря ранним морозам полшубки и валенки уцелели.

Уцелели и рыцари очковтирательства. Не понесли сурового наказания. А жаль! Не мешало бы по крайней мере поддержать их недельку на бумажном хлебе или обрядить их в костюмы из шерсти-невидимки...

А. ЮРОВ,
специальный корреспондент Крокодила

Новосибирская область.

РАДОВАТЬСЯ НАДО!

Сатирическому жанру, говорят, противопоказаны диаграммы и цифры. По крайней мере такой точки зрения придерживались до последнего времени многие теоретики.

А практика говорит другое... Есть цифры, которые разят так же сильно, как и смех.

Предположим, мы захотели бы задать читателям такую загадку: в экспериментальном хозяйстве научно-исследовательского института Министерства сельского хозяйства Литвы все поставлено на строго научную ногу, а в колхозах имени Билунаса и «Гинтарас», Каунасского района, ученые, к сожалению, бывают редко.

Вот и надо угадать, у какого хозяйства — научного или ненаучного — лучшие показатели.

Читатель Крокодила рассудит трезво: если подобные вопросы задаются в сатирическом журнале, значит, отвечать надо наперекор здравой логике: в научном хозяйстве себестоимость продукции, конечно, выше, чем у практиков.

И он окажется прав.
В колхозах себестоимость центнера молока — шесть — восемь рублей, а в институте — 13 рублей 50 копеек. Центнер свинины обходится колхозам пятьдесят — шестьдесят рублей, а ученым мушкетерам — 120 рублей.

Но это вовсе не означает, что из научного хозяйства института ничего нельзя вынести. Если, скажем, свинья принесла десять поросят, — двух поросят сотрудники института выносят за ворота. Снимут с яблони триста килограммов яблок — сто килограммов выносят для друзей и добрых знакомых. Непосредственный шеф института, начальник управления научно-исследовательских учреждений Министерства сельского хозяйства Валечнас, ухитрился даже вынести институтский холодильник, а сотрудник управления рангом пониже — Жибинас — вынес газовую плиту.

Выше мы сказали, что научные кадры института, к сожалению, редко бывают в колхозах. Как видите, тут не сожалеть надо, а радоваться!..

Таинственное исчезновение

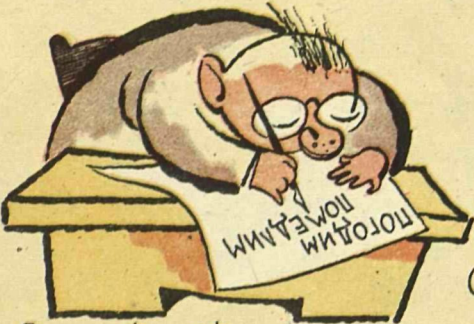
Дорогой Крокодил! Попробуй зайти пообедать в столовую поселка Теплый Стан, Ульяновского района, города Москвы.

Директор этого заведения С. Д. Киселев с завидным упорством претворяет в жизнь принцип: «Человек, если он имеет совесть и непривередлив, свободно может все съесть, не потребовав даже жалобную книгу».

Немало скорбных страниц было исписано в этой книге о качестве блюд, их разнообразии, о культуре обслуживания. И надо сказать, жалобы не оставлены без внимания. Были приняты немедленные меры, и жалобы исчезли. Вместе с жалобной книгой!..

Дорогой Крокодил! Помоги нам, столующимся здесь, найти жалобную книгу, а директору С. Д. Киселеву — свое лицо как руководителя столовой.

Н. БЛИНОВ, В. СОКОЛОВ
и другие

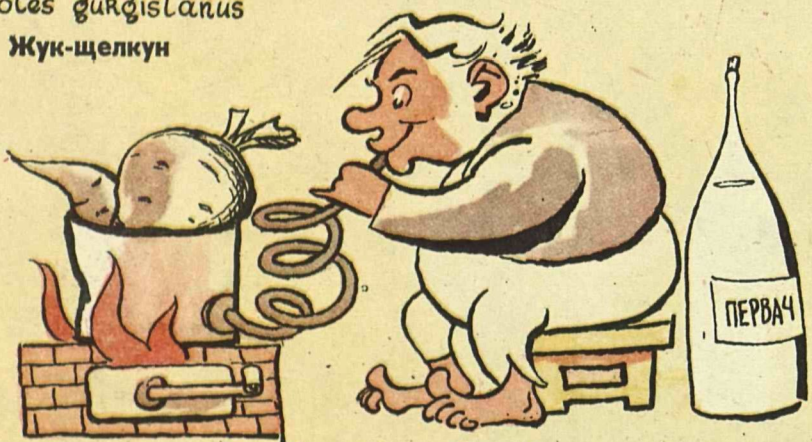
Eurygaster integriceps
Вредная черепашка

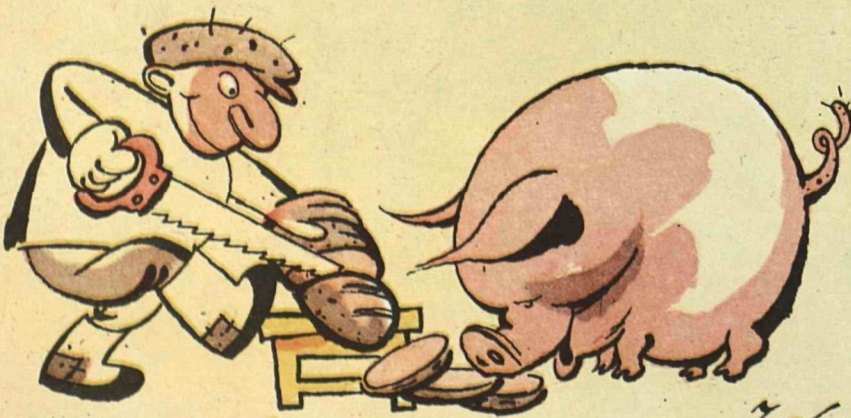
Agrotis exclamationis
Восклицательная совка

Agriotes gurgistanus
Жук-щелкун

Pociloscytus cognatus
Свекловичный клоп

Cerphus rugosus
Хлебный пилльщик

Рисунки Ю. ФЕДОРОВА

Спасибо за приглашение!

Ленинградец Кочнев А. А. получил недавно такую открытку:

«Дирекция 108 Школы рабочей молодежи и классный руководитель 9 Г класса сообщает, что 25 января 19 час. состоится родительское собрание. Просим обеспечить Вашего родителя на это собрание»

Дирекция»

Вот и призадумался тов. Кочнев, прочитав эту открытку: если уж дирекция без ошибок писать не может, то чего же требовать от учащихся?

Каждый терзается в одиночку

Директор мельзавода № 7 сидел в приемной Миллеровского райисполкома. Из полукрытой двери кабинета долетал зычный голос.

— О чем он сейчас говорит, этот представитель железной дороги? — полюбопытствовал сидящий рядом с ним директор совхоза «Красный колос».

Директор ехидно усмехнулся:

— А ты не слышишь? Тебя почему зря кроет за то, что вагоны задерживаешь, большие штрафы платишь. За прошлый год, говорит, более семнадцати тысяч заплатил, а в этом году еще хуже будет. Бесхозяйственный, говорит,

человек директор «Красного колоса!». Ну, дальше уже неинтересно. Надо прикрыть двери, а то табачный дым туда тянется.

— Постой! Железнодорожник как раз о тебе начал говорить. — С этими словами директор Миллеровского маслозавода энергично отпихнул от двери мукомол. — Ай, яй, яй! Знаешь, как он тебя аттестует? Что ты болтун, только все обещаешь навести порядок на разгрузочной площадке, а сам тридцать две тысячи штрафов заплатил. И в этом году столько же заплатишь. Впрочем, дым в дверь и вправду валом валит.

В разговор вмешался начальник дорожно-строительного управления № 4.

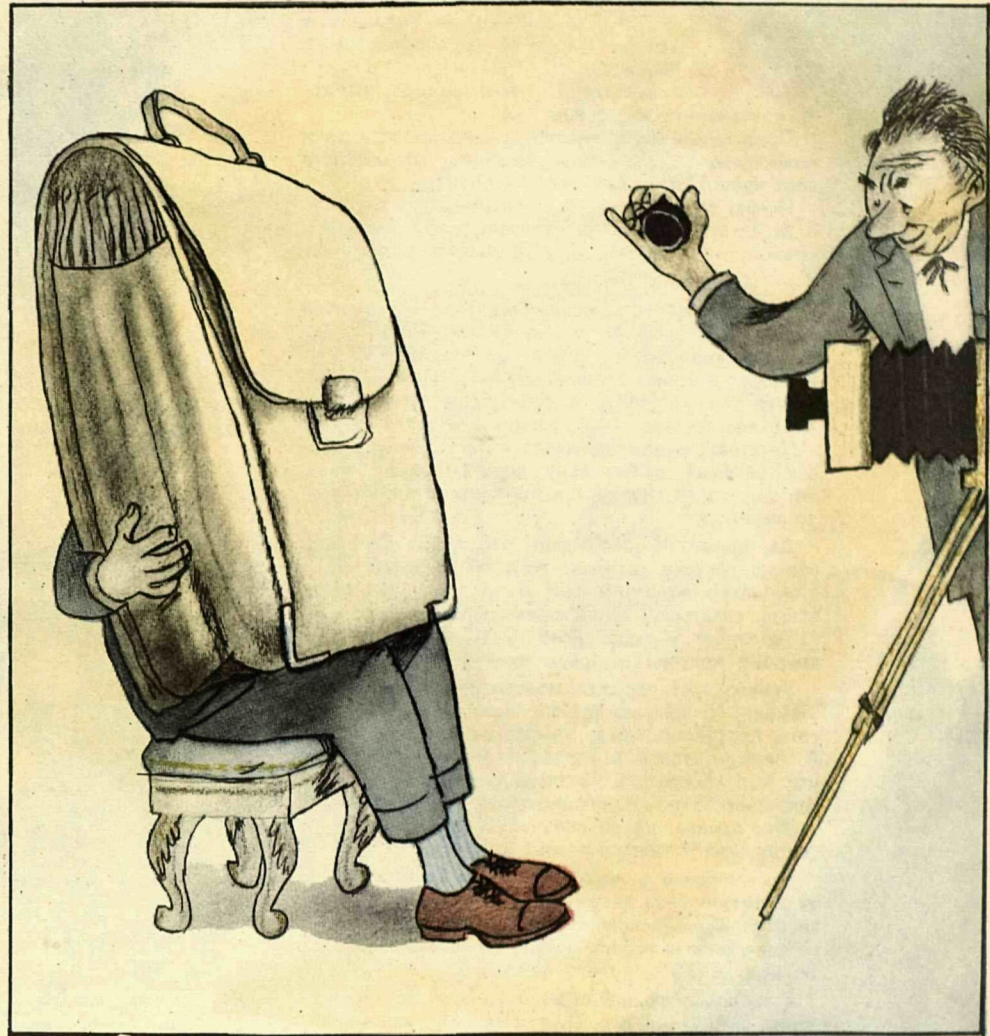
— Погоди закрывать, уж очень мне любопытно узнать, сколько сам-то ты штрафов уплатил. Ну, конечно, девяносто семь тысяч — за неразбериху с погрузкой и выгрузкой. Да тебя за это дело судить надо показательным судом! Да ты... Ой, мама, кажется, и до меня добрались! Да, действительно, я на эти проклятые штрафы более двухсот тысяч отвалил. Все законно. Вагоны задерживал? Так точно. Гони тогда, отец дьякон, деньги на кон. Терзайся, рви на себе волосы, а плати. Потому — виноват.

...Увы и ах, дорогой читатель! Не было описываемого заседания с докладом представителя железной дороги в Миллеровском райисполкоме. Руководители организаций — штрафники (а их 24 persons!) — никогда не собирались вместе поплакать друг другу в жилетку. Печальные плоды своей расхлябанности они предпочитают оплакивать в одиночку.

Люди они и этому процессу привычные и не особенно терзают себя. Тем более, что штрафы-то они платят не из своего кармана!

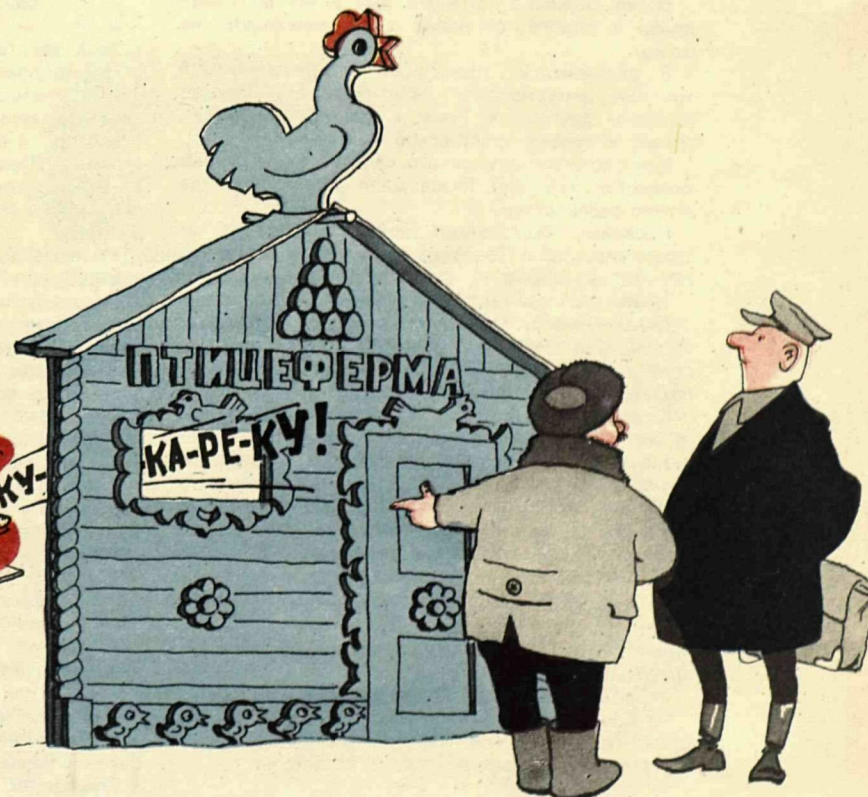
Н. ЛАРИН

Ростовская область.

Солидное лицо.

Рисунок Е. ГУРОВА

— А здесь у нас птички...

В ПОМОЩЬ САМОГОНЩИКУ

Эта лужа не замерзает с первых чисел февраля. В четырех цистернах привезли некую таинственную жидкость для совхозов «Пятилетка» и имени Октябрьской революции и вылили под откос.

Сперва местные жители подумали, что это нефть, и закуривали на приличном расстоянии от огнеопасного места.

Однажды мимо лужи двигалось свадебное шествие. Гости кричали «горько», пока кто-то из них, оступившись, не плюхнулся в лужу... и не завопил: «Сладко!»

Когда его вытаскивали, выяснилось, что лужа действительно сладкая: состоит из кормовой патоки.

По случаю счастливого открытия свадьба была увенчана распитием самогона, изготовленного из этой патоки.

Потом к луже началось паломничество. Даже из Пензы приезжают. И только из совхозов никто не навещает. Или руководители там непьющие, или совхозные свиньи в рот хмельного не берут... Тем временем поклонники зеленого змия осушают лужу за здоровье тех и других.

Н. МОНАХОВ

Станция Колышлей,
Пензенской области.

БАРАБАНЫЙ БОЙ

Обыкновенное дерево в золото превратить невозможно. Однако руководители Ижевского машиностроительного завода, Кустанайской области сельхозснабжения, Первоуральского рудоправления и других предприятий, пользующихся услугами хабаровского завода «Амуркабель», кажется, вплотную подошли к решению данной, на первый взгляд неразрешимой, проблемы.

Эти солидные организации получают кабель с хабаровского завода, а пустые барабаны из-под кабеля отправляют... на завод-поставщик. Расстояние порядка 7—9 тысяч километров.

После такой «прогулки» барабанчики обходятся государству в 3—4 раза дороже своей первоначальной стоимости! А руководители вышеозначенных предприятий упорно не замечают кабельных заводов в Куйбышеве, Москве, Харькове, Томске, Свердловске, куда следовало бы сдавать пустую тару. Барабаны из-под кабеля продолжают катить через всю страну на Дальний Восток, с каждой тысячей километров прибавляя в весе... то бишь, в цене. Воистину в лес дрова возят!

ЛУЖА, СВИНЬИ И САМОГОН. ♦ СТОИТ ЛИ ПЛАКАТЬ В ЖИЛЕТКУ? ♦ СОВСЕМ КАК В СКАЗКЕ!

а

НТОН Теплецов живет всегда только на зарплату.

Два раза в месяц он подходит к окошку кассы и расписывается в ведомости.

Вот здесь, у окна кассира, я и хочу познакомить вас с ним.

Представьте себе мужчину широкоплечего и полнощекого. Вообразите человека, от которого веет здоровьем и одеколоном «Шипр».

И еще от Теплецова веет оптимизмом. Он бодр и весел. И смеется не мелким, приглушенным смехом, как некоторые, а громко, от всей души:

— Ха-ха-ха!

У Теплецова есть жена. Она тоже не ходит к врачам и смеется не менее заразительно. У нее редкое, лирическое имя — Цикламена. Супруг называет ее нежно-уменьшительно: Цикочка, Ламочка или Меночка. А она обращается к нему тоже ласкательно: «мой Тоник» или «мой Туник».

Читатель, видимо, скажет: «Симпатичный человек, веселый, любит жену, деньги получает лишь по ведомости, а автор против него все-таки что-то имеет...»

Да, имеет. И утверждает, что Антон Теплецов вполне достоин сатирического отображения. При этом автор подозрительно косится на ту ведомость, в которой Туник ставит свой автограф.

Теплецова я знаю давно. С тех пор, когда он впервые получил трудовую книжку.

Университет посылал молодого специалиста в Тюмень. Но дальняя дорога была ему, надо полагать, противопоказана. Чемоданов он не собирал. И первая запись в трудовой книжке сообщала, что Антон Теплецов начал свою самостоятельную деятельность помощником управляющего трестом.

Это, правда, не по специальности. Но Туник считал, что устроился весьма удачно.

Его посадили в небольшой кабинетик, и время от времени из-за двери этого кабинетика доносились вспышки искреннего, здорового смеха: помощник управляющего читал Ярослава Гашека. Больше делать ему было нечего.

Если управляющий сидел на месте, то он проводил совещания и о Теплецове не вспоминал. А чаще всего глава треста отсутствовал: его вызывали «наверх».

Тогда Теплецов запирали кабинетик на ключ и уходил. И это, в общем, логично: раз нет того, кому надо помогать, то и помощник ни к чему.

Впрочем, кое-какие поручения Теплецову иногда перепадали. Начальник очень любил писать статьи, а помощник эти статьи «подрабатывал». Как-никак у Туника было гуманитарное образование.

Более серьезно Теплецов был занят по линии дрови и пороха: он ездил с управляющим на охоту.

В дальнейшем повествовании управляющий трестом фигурировать не будет: его снимут. Назначат другого, и Туник в последний раз подойдет к окошку трестовской кассы.

Как сложится дальше его судьба? О, ее линия останется той же! Разве мало ведомостей, где можно расписаться?

Несколько телефонных звонков, несколько частных визитов, и Теплецов — сотрудник Дома народного творчества.

Туник стал собирать фольклор.

Делал он это, правда, несколько по-своему. Просмотрев сборники пословиц, поговорок и частушек, изданные Домом, Теплецов решил, что подобные вещи нетрудно придумать самому...

С командировочным удостоверением в кармане он сел в поезд и следовал до станции назначения. Прямо с поезда шел в сельсовет. Отмечал в удостоверении свой приезд, а заодно — чтобы по пустяку больше не беспокоить работников сельсовета — просил поставить печать и об отъезде. После выполнения этих формальностей спрашивал:

— Кто здесь у вас самые старые жители?

Составлялся список на двадцать — тридцать фамилий. Затем для видимости Теплецов навещал нескольких старух.

— Здорово, бабуся! Ха-ха! Как с фольклором?

— Хорошо, хорошо. Посеяли вовремя, теперь прополку ведем... — отвечала собеседница, приняв его за уполномоченного райисполкома.

— Ну, бывайте!

Далее Теплецов был совершенно свободен. Если хотел, останавливался на недельку, купался, загорал. Если нет, — возвращался в город. Надолго задерживался только в том случае, если

Борис ЕГОРОВ

ТУНИК

РАССКАЗ

с ним была Цикочка-Ламочка-Меночка. Но перед поездкой она всегда спрашивала:

— Туник, а река там есть?

Дома Теплецов «обрабатывал» записи. Большинство из них было сделано на бумажных салфетках из ресторана: в ресторане, под звуки джаза, он творил лучше. Пословицы так и рождались в его голове. И официанты по нескольку раз приносили букетики новых салфеток.

— Ну, как съездили? — интересовался директор, подписывая отчет о командировке.

— Ха-ха! Улов огромный. Мысли! Афоризмы!!

— Как в народе говорят?

— Пословицами говорят. Ха-ха! Поговорками говорят.

Улов действительно был немалым. Теплецов демонстрировал «золотые россыпи» мудрости:

«Не страшен мороз, коль с дровами (антрацитом) колхоз (совхоз, лесхоз, рыбхоз, зверпрохоз)». (Записано со слов колхозницы села Мокрые Лужайки Агафьи Гавриловой, 98 лет).

«Где крепок актив, там, стало быть, силен и коллектив (кооператив)». (Матвей Сидоркин, 93 года).

«У нас в почете, матушка, томасшак да суперфосфатушка» (Дарья Коровина, 88 лет).

Перечень продолжался: «Другим — футбол, а моему залеточке — музыка»; «В светлой горенке и самообразованием заняться приятно»; «Сейут по весне, убирают по осени»; «Всякая река куда-нибудь впадает».

Некоторые изречения представляли собой ранее известные, но обновленные: «Свой комбинезон ближе к телу» (из жизни механизаторов), «Новый пылесос чище сосет» (отражает изменения в быту деревни, распространение электричества). Наконец, встречалось одно малопонятное: «И ты туда же со своим культиватором!»

Директор Дома удивленно покачал головой:

— Неужели так говорят?

— Говорят. И даже очень часто.

— Ну, раз говорят, тогда другое дело. Значит, это в народе бытует.

— Еще как бытует!

Директор верил, тем более что рядом был указан источник: «Марфа Иншакова, 97 лет, Верхние Мнемники».

Ссылки на жителей столь почтенного возраста Теплецов делал не без расчета. Если бы кто-то решил его проверить, то успеха бы не имел: в первых, в преклонном возрасте люди часто забывают, что говорили раньше, а во-вторых, «ис-

точника» на этом свете могло уже и не оказаться.

Но, несмотря на глубоко продуманную стратегию, Теплецов неожиданно потерпел поражение. С ним произошел конфуз.

Однажды, прибыв в далекое село, он натолкнулся на настоящую собирательницу фольклора. Но кто же мог подумать, что эта женщина в обыкновенном платке — сотрудница Академии наук?

— Привет, — войдя в избу, сказал Теплецов. — Как у вас с фольклором?

— Хорошо.

— Вот кое-что хочу записать от вас. Про механизацию, ремонт тракторов. Фамилия, имя, отчество? Сколько лет?

— О ремонте я не знаю, — сказала женщина.

— Не знаете? А надо знать. Ну, например: «Главная тактика в ремонте — профилактика... Мудро, а? Ну, бывайте!»

К удивлению Теплецова, женщина почему-то рассердилась и, не скрывая издевки, спросила: — Откуда вы, прелестное дитя?

Пришлось познакомиться. В результате этого знакомства окошко кассира Дома народного творчества перед Теплецовым захлопнулось.

Но открылись другие. Какие, всех сейчас назвать не могу. На некоторое время он исчез из поля моего зрения. Говорили, что год или два Теплецов трудился в заповеднике: за ним закрепили три сосны, и он считал, сколько с них падает шишек. Потом подвизался в спортивном обществе, позже участвовал в одной научной экспедиции — обрабатывал ее дневники.

Экспедиция раскинула бивуак поблизости от большого северного города. Здесь Теплецов едва не прославился. Он нашел в земле скорлупу. Кандидат наук, которому Теплецов показал эту находку, пришел в восторг.

— Да знаете ли вы, что это за открытие?! Это — яйцо страуса. Значит, раньше на нашем севере жили страусы. Колоссально! Целую монографию можно написать! Диссертацию!

Но восторги охладил рабочий экспедиции, из местных жителей. Он сказал:

— Извините, у меня высшего образования нет. Но кое-что прояснить могу: тут на прошлой неделе массовка была... Вот скорлупа и осталась... Вон еще бутылка лежит. Вы, может, скажете, что страусы коньяк пили?..

Опушку леса огласил раскатистый смех Теплецова:

— Ха-ха-ха!

Ха-ха. Вот так и живет Туник, типичный, ярко выраженный тунаядец. Но это не вулгарный бездельник, о которых мы часто говорим и пишем. У Туника — трудовая книжка. Туник не примитив. Это — создание более сложное.

Недавно я снова был в том городе, где впервые познакомился с ним. И посетил только что открывшийся мемориальный дом-музей писателя Льва Юрьевича.

Лев Юрьевич жил здесь всего одно лето. Причем в ту свою пору, когда не только писать, но и читать еще не умел.

Кто-то подал идею организовать музей. И вот я хожу по нему. Старые книжные шкафы заполнены энциклопедией Брокгауза и Ефрона. На них табличка: «Папа Льва Юрьевича очень любил читать энциклопедию. Отсюда Лев Юрьевич почерпнул свои первые знания». В углу — пианино шоколадного цвета: «Мама любила музыку. Маленький Лева часто слушал в ее исполнении произведения Баха и Гуно». Около стола деревянная лошадка, на хвосте у нее — табличка: «Любимая лошадка маленького Львы. Копия».

То есть как это «копия»? А «любимые цветные карандаши» — тоже копия?

Пока я раздумывал, в коридоре послышался смех. Ну, конечно же, теплецовский! Кто еще так жизнерадостно смеется!

— Здоров! — сказал он мне. — Пришел приобщиться к культурным ценностям?

— Пришел, — сказал я. — Кто только эти ценности создавал?

Теплецов постучал себя в грудь и добавил: — Работы было — во! Целый месяц бегал по комиссиям. То пианино, то подсвечники, то сервизы. Понимаешь, тут ничего не было. На пустом месте создал!

И он с нежностью и умилением посмотрел на деревянную лошадку. Потом вскинул руку с часами и стал прощаться:

— Ты извини. Опаздываю. Через полчаса касса закрывается...

— О чем вы думали, когда строили новый дом?
— Мы думали, что эта церкушка — памятник старины...

В интересном положении

«Ростовский областной Совет профсоюзов
10 февраля 1961 г.
№ 205

г. Ростов-на-Дону, Дом Союзов

Председателю областного, фабричного, заводского комитета профсоюза...

Несмотря на неоднократные указания отдельным профсоюзным организациям о недопустимости направления мужчин в дома отдыха для беременных женщин, профсоюзные организации продолжают направлять мужчин в указанный дом отдыха. Так, рабочий комитет «Доновиновод» направил т. Бурого А. С., шахтный комитет шахты Западная-Капитальная — т. Чубенко А. Г., местный комитет Аэропорта — т. Липчинского Г. П., портовой комитет флота Цимлянского порта — т. Долгова Г. К. и групповой комитет местпромхоза г. Новочеркаска — т. Кизилова А. Я.

Облсовпроф предупреждает, что дирекция Цимлянского дома отдыха не будет принимать мужчин, прибывших по путевкам для беременных женщин.

Стоимость путевок будет взыскиваться с лиц, выдавших эти путевки.

Зав. отделом соцстраха Облсовпрофа — И. Гладкин».

Этот любопытный сигнал бедствия был отпечатан в сотне экземпляров и разослан из Ростовского облсовпрофа на места. Дopeкло, видимо, работников дома отдыха для беременных женщин!

Крокодил вполне им сочувствует.

СЦЕНКА

На сковороде подгорали котлеты. А тетя Нонна улыбалась. Она смотрела, как сковорода помаленьку из черной делалась красной, а котлеты — черными, и улыбалась. Маленькие глазки на ее щучьей мордочке светились радостью. Вот уже и дышать на кухне нечем. И тетя Нонна, пряча улыбку, направилась к двери соседки.

— Варвара Семеновна! Ваши котлеты сгорели...

— Да? — появилась в дверях Варвара Семеновна, высокая, дородная, завернутая в шелковый халат. Она энергично понюхала воздух и пробасила по-мужски: — Черт возьми! Сгорели. Начисто сгорели!.. Только это не мои котлеты.

— Не ваши? Скажите, пожалуйста, не ваши!

— Не мои...

Из другой комнаты на голоса выглянула маленькая, сморщенная Петровна. Запах гари моментально погасил ее улыбку.

— Господи! — И Петровна засеменила на кухню. — Сгорели! Сгорели, чтоб им пусто было!..

От беззвучного, довольного смеха глаза Варвары Семеновны превратились в узкие щелочки. Тетя Нонна захрюкала в платок. И, право, трудно было понять: смеялась она или сморкалась.

Они стояли в коридорчике и ждали Петровну. Им страсть как хотелось увидеть убитую горем старушку. А Петровна выплыла из кухонного чада ласковая и приветливая.

— Вы уж извините. Мы не видели, — начала тетя Нонна.

— Чего уж там! — махнула рукою Петровна. — Всяко бывает. Вот ведь и я так-то не видела, как на крайней конфорке рыба горела...

— Рыба?! — взвизгнула тетя Нонна. — Моя рыба!

— Сгорела, милая, сгорела...

В. КАЛАШНИКОВ

г. Калуга.

Язычники

Он пришел в городскую жилищную комиссию и положил на стол заявление.

Как было видно из заявления, пенсионер П. Ф. Неронов трогательно любил пенсионера М. Е. Жидкова, восьмидесятилетнего отца своей жены. Старец жил один как перст в своей скромной тринадцатиметровой комнатухе. И одиночество тесно уплетало добросердечного зятя.

— Он ведь у нас совсем старенький, — говорил Неронов. — И мы его так любим, так жалеем!

Забота о стариках всегда трогательна. И комиссия выхлопотала Неронову отдельную двухкомнатную квартиру, чтоб он мог жить вместе со своим горячо любимым тестем.

Получив на себя, жену и тестя отдельную двухкомнатную квартиру, П. Ф. Неронов не замедлил навестить старика.

— Ну, как живем, папаша? — бодро спросил он.

— Спасибо, зятек, — засуетил-

ся старик. — Вещички-то укладывать можно?

— Обождите, — посоветовал Неронов. — Пусть вещички постоят на своих местах.

— А я? — беспокойно спросил старик.

— Вы золотой человек, папаша! Такого человека мы всегда рады видеть у себя в гостях. Ну, скажем, разочек в месяц. Или даже два.

Подождав некоторое время и убедившись, что Неронов и не думает перевозить к себе старика, работники жилищкомиссии поняли, что их бессовестно обвели вокруг пальца. Когда к Неронову обратились за разъяснением, он ответил:

— Зачем я его буду брать к себе? Ведь тогда он потеряет жилплощадь: целых тринадцать квадратных метров! Вы шутите!

Квадратные метры... Ох, уж это словосочетание! Сколько в нем оттенков! Читаешь: «...будут введены в строй миллионы квадратных метров» — и сердце

радуется. Но когда эти же квадратные метры звучат в устах нероновых, в воздухе явственно начинает попахивать квартирными склоками и судебными волокитами. Как-то сами собою приходят мысли о стяжателе с потными ладонями, который третий год высуживает у соседки половину квадратного метра для ящика с изношенными ботинками.

Не секрет, что у нас в стране еще не все обеспечены хорошими квартирами. Не хватает их еще у нас, этих самых квадратных метров. Еще лежат в райисполкомах толстые пачки заявлений «очередников». Квартиры строятся, пачки тают на глазах, и это очень приятно. Приятно, что все больше очередников пополняют ряды новоселов.

Но если для подавляющего большинства людей квадратные метры — это просто жилье, то для некоторых квадратура — это божок, которому ставятся свечи.

Жилищный кумир коварен. К. И. Никитина проживала вместе с двумя сыновьями в четырехкомнатной квартире размером 80 квадратных метров. Но вдруг у нее возникли разногласия с сыновьями, и по сему случаю она обратилась в Моссовет с просьбой обменять ее огромную квартиру на три небольших. Ей пошли навстречу. Однако Моссовету не пришлось ломать голову над проблемой заселения опростной четырехкомнатной квартиры. Никитина решила этот вопрос сама. Она бросила предоставленную ей двухкомнатную обитель и спешно возвратилась в свои апартаменты. Теперь, когда сыновья выехали, ей одной вольготно и просторно в пулких комнатах, где она может совершать по паркегу утренние променады. И хотя действия Никитиной не могут быть названы иначе, как самый беспардонный обман, судебные власти отнеслись к этому поступку с удивительным добродушием. Казалось бы, Никитина должна быть выселена в предоставленную ей квартиру — и все. Но ни у Мосгорсуда, ни у Верховного суда РСФСР не поднимается рука вынести столь «жестокое» решение.

А вот еще один представитель малопочтенной оравы вымогателей квадратных метров.

В. Т. Семенов долго хныкал и бил себя в грудь, напирая на то, что, мол, тесновато семье из пяти человек в одной комнатке в 16 квадратных метров. И верно, тесновато. Дали Семенову отдельную двухкомнатную квартиру. Оставив старое жильё сыну, Семенов переехал на новое местожительство.

Если бы не одно весьма тонкое обстоятельство, мы наверняка послали бы Семенову поздравление по поводу новоселья.

Обстоятельство вот какое: выклянчивая квартиру, Семенов конфузливо умалчивал о собственном домовладении в сорок с лишним квадратных метров в Новых Кузьминках, которое, по существу, пустовало. Таким образом, Семенов оказался обладателем жилой площади чуть ли не в сто квадратных метров.

Язычники поклонялись деревянными божкам и пранитным изваяниям. Для непросвещенных умов, едва тронутых цивилизацией, это было извинительное занятие. Вера в кумир была незыблема, и варвар готов был пролить за нее свою и чужую кровь.

Обладатели разбухшего лицевого счета возмутятся, если представить под сомнение их атеизм.

И все-таки они язычники. Их кумир — квадратные метры, устланные дубовым паркетом. Посягните на их идола, и квартиросъемщик обвинит вас в святотатстве.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

— Видал, какие колхозы есть у нас в районе! Еще снег не сошел, а у них уже кукуруза растет.

В. БОРОНИН,
В. ИВАНОВ

г. Москва.

ЧУВСТВА ПО ПРЕЙСКУРАНТУ

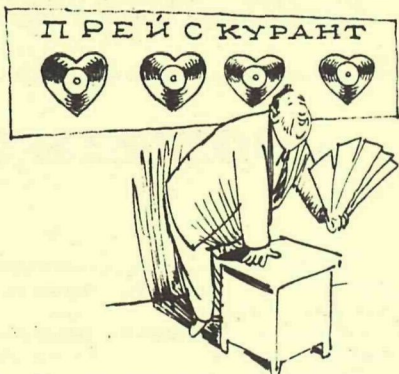
Когда-то хваткие приказчики, овладевшие красотами штиля гимназических хрестоматий, изобрели для провинциальных барышень «флирт» — жеманные и кокетливые афоризмы на лощеных карточках. Барышни играли с прыщеватыми кавалерами во «флирт» и были счастливы. Их интеллектуальные маховики и шестеренки вращались на самых малых оборотах.

И сейчас еще не истлели до конца эти перлы ходячей приказчицей премудрости. Нет-нет да и мелькнет на оборотной стороне фотографии многозначительное «Люби меня, как я тебя» или встретится в конце письма пламенное «Жду ответа, как соловей лета». И не гусиное, а новейшее автоматическое перо выводит в пухлом бархатном альбоме окаменелую строку про несчастную любовь.

Но сейчас разговор не об альбомах, не об открытках, а о явлении более новом.

...Вы находитесь далеко от родных и близких. Вы хотите, чтоб они услышали ваш голос. Вы идете в студию звукозаписи, раздумывая по пути над теми хорошими и единственными словами, которые вы скажете в микрофон.

Зря раздумывали. Можете не волноваться. Все обстоит куда проще. Все предусмотрено. На все случаи жизни имеются «рекомендательные тексты». Ваше дело — только исправно шевелить губами, произнося любезно поднесенную «текстовочку».

Наиболее впечатляющие из этих шедевров, без сомнения, достойны обнародования.

Дорогой сынок Шурик! От души поздравляю с днем рождения и желаю тебе новых успехов в учебе, отличного здоровья и счастья. Мне понравились слова великого Сократа, который сказал: «К родителям относиться так, как ты бы желал, чтобы твои собственные дети относились к тебе».
Твой папа (мама).

Как видите, и Сократ в хозяйстве пригодился. Авторитетный старик.

А вот успехами в труде лучше всего похвалиться при помощи Николая Островского:

Коля (Саша), радуюсь твоим трудовым успехам. Я тоже иду в ногу с жизнью и к празднику Великого Октября дал 100 (120, 130%) нормы. Так что мы вспоминаем советы Николая Островского:

— Самое дорогое в жизни — быть всегда бойцом, а не плестись в обозе третьего разряда.

Поздравляю тебя и желаю новых достижений (Виктор).

А теперь послушай любимый вальс (танго).

Как вы заметили, авторы трогательных «текстовок» очень любят прибегать к помощи писателей.

Мой любимый (любимая)! Как хорошо сказал Виктор Гюго, что самое большое

счастье в жизни — это уверенность, что тебя любят.

А теперь прослушай любимую мелодию. Твоя Валя (твой Саша).

На всякий случай можно подкрепить одного классика другим.

Дорогой (любимый) нас разделяет большое расстояние. Но Шиллер сказал, что верная любовь помогает переносить все тяжести(?!).

А теперь прошу послушать эту замечательную мелодию и не скучай. (Твоя Аня.)

Дорогие Коля и Зина!

От души поздравляю вас с законным браком! Желаю вам крепкого здоровья и семейного счастья.

Мне очень понравились слова Сервантеса, который сказал: «У добрых супругов — две души, но единая воля».

А теперь послушайте любимую песенку: «Свадебную застольную».

Ваша Клара.

В преискуранте имеются болванки и на другие темы:

Шлю вам привет из солнечного Кисловодска. Погода здесь прекрасная. Каждый день первые лучи солнца встречаю утренней прогулкой по чудесным местам города, многие из которых имеют свою историю. На этой пластинке — Замок коварства и любви. Такое интригующее название связано с горской легендой, в которой рассказывается о чистой любви пастуха и коварстве княжны.

О Кисловодске и его прекрасных окрестностях рассказывает в своем романе «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтов.

Но самое главное в Кисловодске — чудесный климат и источники нарзана, лечебное значение которых трудно переоценить. Скоро приеду домой и расскажу очень много интересного.

Ваш Гриша.

Дооктябрьский мещанин, возвращаясь на «флирте» и пухлых домашних альбомах, не задумывался об экономии времени и мозговой энергии. Только инстинкт подсказывал ему, что от натуральных переживаний и размышлений — одно сплошное беспокойство, а штампованное чувство и патентованная фраза — дело проверенное и потому верное. И уж, конечно, он и ведать не ведал, на какие технические высоты воспарит его потомок — мещанин сегодняшний.

Правда, в студии звукозаписи можно говорить и «своими словами», а не обязательно убогими трафаретами. Но существование «рекомендательных текстов» красноречиво само по себе.

Гнать слащавую пошлятину надо, конечно, с рынков и с вокзалов, из клубов и из парков. Но, как видно, не следует забывать и о других, часто совсем неожиданных заповедниках мещанского вируса.

В стране немало студий звукозаписи. Мы привели некоторые тексты, рожденные только в одесской и кисловодской студиях. Логично будет, если мы обратимся со стандартным текстом пожелания ко всем, кому «говорящими письмами» ведать надлежит:

Дорогой (дорогая)! Не приучай человека к омертвляющему, нелепому, жалкому, глупому штампу. Пожалей хотя бы его родных и близких!

Желаем тебе доброго здоровья и здравого разума.

А. ВИХРЕВ

БЛУЖДАЮЩАЯ МАСКА
Рисунок Л. САМОЙЛОВА

Первый парень в поселке.

Первый парень на деревне.

Первый парень на заводе.

Первый парень на зимовке.

ГРЯЗНЫЕ ЩЕПКИ

Голос директора звучал сурово:

— Да, товарищи, мы, так сказать, не оправдали. Не дотянули. Плетемся в хвосте.

Все недоуменно переглянулись. Дела на заводе не давали повода для столь удручающего пессимизма. План выполнялся, кое-когда и премии перепали, а портреты лучших заводских передовиков красовались на областной доске почета.

Тем не менее оратор был недоволен.

— Вот ты, Степушкин, ну-ка скажи нам: сколько у тебя на участке охвачено борьбой за звание бригад комтруда?

— Девяносто процентов! — стыдясь, ответил Степушкин.

— Слышали, товарищи? — иронически кивнув на Степушкина, продолжал директор. — Девяносто процентов... А остальные десять процентов? Ну, почему не охвачен, например, рабочий Горланов?

— Несознательный он, — упрямо указал Степушкин. — Не дорос.

— А ты помоги ему встать на ноги. Вызови, побеседуй.

— Я вызвал бы, да его не отпустят, — ответил Степушкин. — Он еще только семь суток отсидел, а ему положено пятнадцать...

— Семь? Значит, наполовину он уже исправился.

...Через два дня на заводе все сто процентов рабочих были охвачены. Даже Горланов, который продолжал еще под охраной милиции скрести тротуары.

И сразу стало хорошо. Успокоились руководители цехов, которых больше не подвергали разному, успокоились в райкоме, получив отличную сводку. На всех совещаниях, активах и слетах ставили в пример директора, который добился стопроцентного охвата. И директор ходил довольный и счастливый, гордо выпятив грудь.

Это — вступление к разговору. Вымышленная сценка. Может быть, автору скажут: где это вы таких видали? Назовите хотя бы одного подобного руководителя.

Пожалуйста: парторг СМУ-3 ремстройтреста Ленинградского района Москвы А. Химушкин. Он тоже горел стремлением порадовать начальство жизнерадостными сводками. Но СМУ не блистало успехами в соревновании бригад коммунистического труда. То есть такие бригады были, и действительно достойные, но количество их хотелось увеличить.

— Ну, кого будем выдвигать? — спросил парторг СМУ А. Химушкин.

— Я бы настоятельно рекомендовал бригаду Гайдукевича, — заметил мастер В. Новиков.

— А подойдут? — с сомнением спросил Химушкин.

— В самый аккурат! — твердо сказал мастер. — Хорошие работяги, а главное, очень уж честные. Я лично «за».

Мнение мастера оказалось решающим. Бригадой Гайдукевича было решено заделать зияющую брешь. Когда собрание окончилось, Новиков подошел к славному бригадиру сантехников В. Гайдукевичу.

— Ну, вот так, значит, ребятки, — сурово, по-отечески сказал мастер. — Теперь вы обязаны быть вдвойне честными и выполнять в срок обязательства по отношению ко мне и к стройке.

— Все будет по-честному, папаша, — веско ответил Гайдукевич.

Автор считает своим долгом раскрыть смысл этого интригующего диалога.

Дело в том, что между бригадой Гайдукевича и мастером Новиковым существовало негласное джентльменское соглашение. Оно было заключено давно, еще до собра-

ния. Однажды мастер зашел в общежитие и осведомился:

— Ну как, зарплатой довольны?

Ребята ответили, что на зарплату прех жаловаться.

— А знаете, чему вы обязаны таким заработком? — столь же многозначительно продолжал мастер.

Ребята пожалы плечами и посмотрели на свои крепкие, натруженные руки.

— На чьи руки смотрите? — упрекнул мастер. — Вот куда смотрите!

И он показал свою закапанную чернилами длань.

— Так вот, — продолжал Новиков, — именно эта самая рука подписывает вам наряды. Может выписать так, а может и этак. Поняли?

Ребята всё поняли. И вместо того, чтобы намылить вымогателю шею и вывести его на чистую воду, они раскрыли свои бумажники и молча отсчитали по полсотне.

Отныне каждый месяц после получки благодетелю передавалась обусловленная дань: 300—400 рублей старыми деньгами. Впрочем, теперь, когда это тайное соглашение стало достоянием гласности, Новиков объясняет его исключительно симпатией ребят к его персоне.

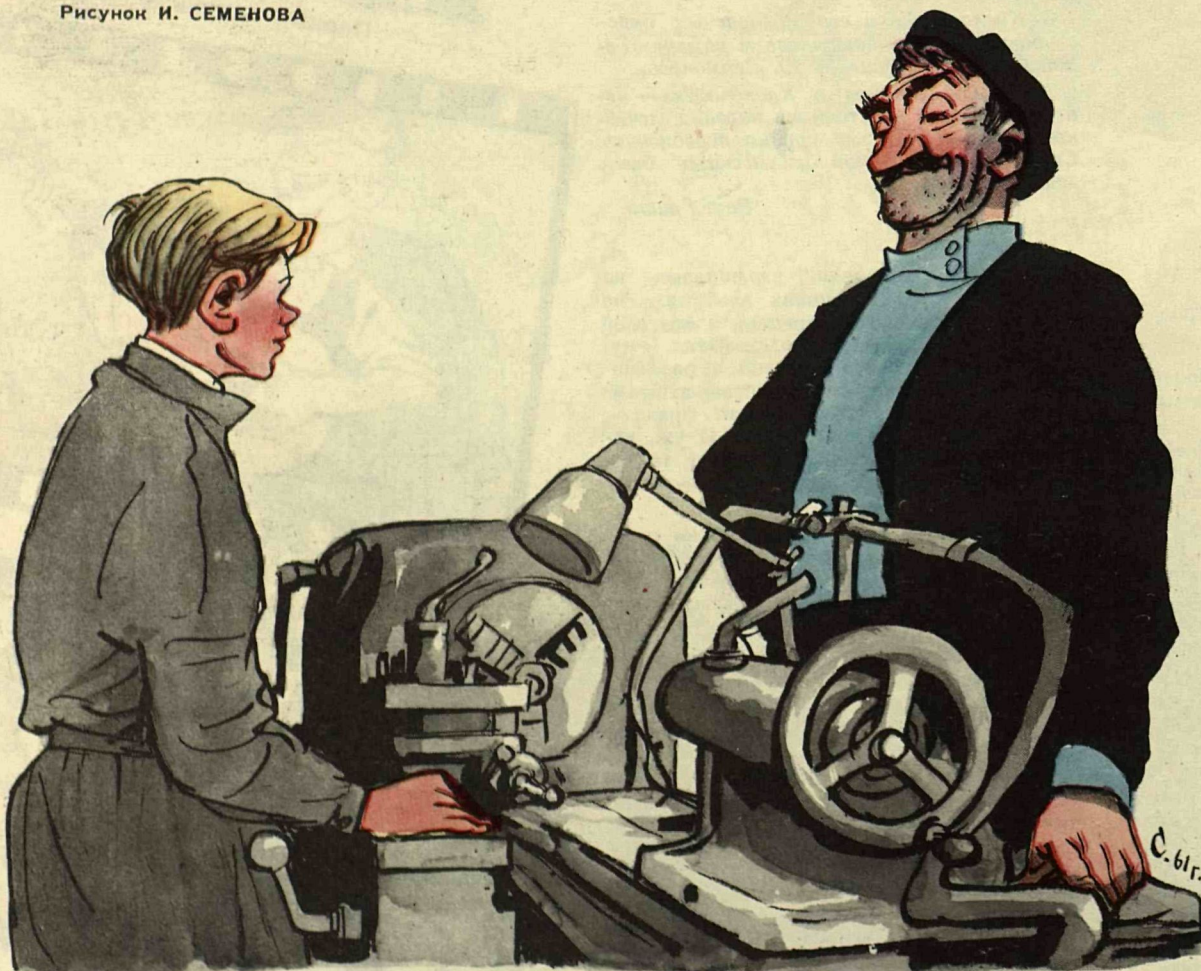
— Иду я, значит, домой, — честно глядя в глаза, говорит Новиков, — подходит ко мне паренек и сует что-то в карман. «Это тебе, папаша, от нашей бригады, благодарность от рабочего класса за то, что ты чуткий и хороший. Купи детишкам го-стинцы».

Над этой трогательной версией можно, конечно, саркастически посмеяться. Но, честно говоря, тут не до смеха.

Ударники коммунистического труда, дающие взятки, — явление настолько противоестественное, что я сначала даже не поверил.

Я спросил у парторга Химушкина, как

Рисунок И. СЕМЕНОВА

— Спасибо, Пал Палыч, за помощь, век благодарить буду!
— Нет, уж лучше в эту получку.

«МОЖЕТЕ МЕНЯ

Он шагал по улицам города сияющий, праздничный, будто ему только что вручили высокую награду.

— Можете поздравить: меня сняли с работы!

Радость, казалось, распирала грудь, переливалась через край, хотелось петь, танцевать, поделиться с первым встречным своим успехом.

— Я так волновался за исход конференции! А вдруг кто-нибудь выступил бы в мою защиту. Но все сошло как нельзя лучше: меня единогласно прокатили на вороных! Понимаете, так-таки показали от ворот поворот...

Он легко, точно на крыльях, ступал по асфальту. Ему не терпелось рассказать всем-всем о своей удаче. Он гонялся за ней, за своей фортуной, как за сказочной жар-птицей. О нет, она не сразу далась ему в руки!.. Не сразу район, которым он руководил, занял в областной сводке последнее место по всем показателям.

Он больше заглядывал в рюмку, чем занимался хозяйственными делами. Он запустил и вовсе забросил массово-политическую и культурно-воспитательную работу среди населения.

В кругу своих близких друзей он острил, что наловчился закладывать за галстук, хотя носил вышитую косоворотку без всякого галстука.

Он часами просиживал над рюмкой. Пил и гадал. Гадал, как сложится жизнь после того, как его выставят из района. С помощью этой волшебной рюмки он сумел составить для себя точный и безошибочный прогноз. Все случилось так, как он наворожил.

На районной партийной конференции его деятельность признали неудовлетворительной, и коммунисты отказали ему в своем доверии. Он

могло случиться, что в СМУ давались взятки.

— Сам не пойму,— горестно развел руками Химушкин.— Третью ночь думаю, понять не могу. Мне с самого первого раза не понравилась эта бригада.

— Значит, с самого начала не понравилась? — переспросил я.

— Ей-богу! — поклялся Химушкин.— Я своему чутью верю.

Тогда я осведомился, почему же, несмотря на свое великолепное чутье, Химушкин рекомендовал бригаду Гайдукевича в качестве претендента на звание коммунистической.

— Я? — удивился парторг.— Не может того быть, чтобы я с моей интуицией мог допустить такую оплошность. Впрочем, сейчас мы это проверим... протокольчики полистаем... так... так... гхм...

На лице Химушкина выразилось крайнее изумление.

— А ведь, действительно, того! Ну и ну! Моя подпись стоит... Чудеса, да и только!

Но никакими чудесами здесь и не пахло. Все было довольно ясно. Я узнал в Химушкине одного из тех, кто каким-то образом ухитряется бросить в стремительный поток благородного движения грязные щепки своего честолюбия.

Бросают потому, что им очень уж хочется блеснуть, сверкнуть, быть на виду у начальства.

Это они резали племенных коров, дабы прослыть выдающимися организаторами. Это они втирают очки, приписывая к плану дутые цифры. Это химушкины и им подобные озабочены только тем, чтобы отполировать парадную дверь, за которой скрывается неряшливый двор. Это они с каждого благородного начинания норовят отщипнуть по лавровому листочку: авось, выйдет веночек!

Т. ВОЛОДИН

— Иван, слезай с печи! Весна пришла!
— Сейчас слезу. Постели-ка мне в сенях.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА
(по теме читателя
А. Ларионова, г. Томск).

ПОЗДРАВИТЬ!»

был на седьмом небе. Фортуна благоприветствовала его, заветная цель была близка. Но этого ему было мало: он мечтал, чтобы слух о нем прошел от вершин Карпат до берегов Днепра. И он добился своего. О его делах, вернее, о его классическом безделье рассказала республиканская газета. Он стал знаменит... Его наконец заметили. Областные товарищи решили, что такой талант ни в коем случае не следует выпускать из поля зрения.

В жилом доме облсполкома ему немедленно предоставили отдельную квартиру и назначили начальником отдела кадров вновь созданного треста. В областном центре рассудили

НЕ ПРИХОДИЛОСЬ...

В артели «Веник-помело»
Был снят глава правленья.
Решили лодыря в село
Послать «на исправленья».
Но прозвучал его ответ:
— Я рад, я счастлив даже!
Но... не поеду,
Ибо нет
Ни опыта, ни стажа.
Я развалил артель, лесхоз,
Рембазу и спортбазу.
А вот разваливать колхоз
Не пробовал ни разу!

Игорь МАРТЬЯНОВ

г. Иваново.

мудро: кому, как не ему, обогащенному разносторонним опытом, подбирать, воспитывать, закалять кадры!..

Так что, дорогие читатели, если вам нынче доведется быть на Украине, в Кировограде, не удивляйтесь тому, что совершенно незнакомый мужчина остановит вас посреди улицы и радостно воскликнет:

— Можете поздравить: меня сняли с работы!

Поздравляйте! Перед вами бывший первый секретарь Маловисковского райкома партии Белан, а ныне начальник отдела кадров треста «Сахстрой». Поздравляйте и не удивляйтесь. Иначе на вас будут смотреть, как на человека, свалившегося с обратной стороны Луны:

— Чему удивляетесь? Галантерейному обхождению с подмоченными кадрами? Тоже скажете! Вы, должно быть, забыли о чуткости!..

...Если у Белана широкая натура — душа нараспашку, то Дина Ивановна Яшина, директор пищекомбината, не любит, когда ее поздравляют на улице. Свои именины она отпраздновала в атмосфере благоуханной чуткости и неудержимых взаимных восхвалений у себя в служебном кабинете.

— Можете меня поздравить! — радушно встретила она милых сердцу гостей и приняла от крупчатника мельницы Амосова драгоценный подарок. При этом, следует отметить, именинница стыдливо потупила взор. Зато, когда тот же Амосов грузовиками вывозил с мельницы муку и сбывал спекулянтам, Дина Ивановна вовсе закрывала глаза.

Но Яшина была не только директором комбината, она была еще и депутатом городского Совета.

Яшину сняли с работы только за две недели до выборов в местные Советы. А вот лишить ее депутатских полномочий, заставить ее отчитаться перед избирателями, чьим доверием она злоупотребила, — на это пороку не хватило.

Еще в октябре прошлого года исполком городского Совета решил поставить на очередной сессии вопрос об отзыве депутата Бояринцева. Вместе со своим бухгалтером начальник строительного управления Бояринцев за взятки разбазаривал направо и налево строительные материалы. Однако и перед судом он предстал с депутатской книжкой в кармане.

— Что же это получается? — снова искренне удивитесь вы. — Выходит, городские руководители скрыли от избирателей эту историю?

А вы не удивляйтесь, дорогие читатели. Между нами говоря, зачем, в самом деле, Кировоградским руководящим товарищам «поднимать шумиху» вокруг подмоченных кадров? Еще, чего доброго, станут доискиваться, кто выдвигал, кто рекомендовал. «А подать сюда Лялкина-Тяпкина!» И пойдет...

Тут уж не до поздравлений.

Это понимать надо...

Е. ВЕСЕНИН,
специальный корреспондент
Кронодила

г. Кировоград.

Серои НЕ НАШЕГО времени

Нейлоновая шубка

НОВЕЛЛА О ФОКУСНИКЕ СОЛЬДИ И АДМИНИСТРАТОРЕ ЛОШАТНИКОВЕ

Глава четырнадцатая

Конный чабан Жандарбеков. Поплавок фельетониста. Трагедия на горном плато.

На джайляу жил фельетонист республиканской газеты Таир Жандарбеков. Фельетонист внешне ничем не отличался от овцеводов. На нем были ватные брюки, заправленные в рыжие сапоги с пайпаками, и сбитый на ухо лисий малахай. Он ходил вперевалочку, как все чабаны-конники, пил кумыс, нюхал насвай, который хранил в скляночке, и умел набрасывать на бегущего жеребца аркан.

На попечении Жандарбекова была отара из пятисот овец. Он проделал с ней стокилометровый путь от аула до пастбища, чтобы побыть в чабанской шкуре и лично убедиться, как обслуживают овцеводов во время перегона скота.

Лошатников напоролся именно на этого чабана.
— Эй, жолдаc! — небрежно окликнул он. — Иди сюда! Шкурка бар?

— Шкурка? — не понял Жандарбеков. — Что за шкурка?

— Овечий шкурка, красивый шкурка, — сказал Лошатников с акцентом, видимо, полагая, что так его лучше поймут. — Хороший такой каракулевый шкурка!

— И много тебе надо каракулевый шкурка? — спросил Жандарбеков, которому шестое чувство фельетониста подсказало, что предстоит пикантный разговор.

— Много шкурка, с много овец!
— Зачем тебе много шкурка? — полюбпытствовал Жандарбеков, покусывая травинку.

— Пальто шить, зимой носить.
— Бесплатна шкурка? — с крайней наивностью спросил Жандарбеков.

— Зачем бесплатно? Платить будем. Менять будем. Чай любишь? Чай плитка. Пить с женой будешь.

— Ага, с женой и с бабушкой, — подтвердил Жандарбеков.

— А еще вельвет рубчик любишь? Штаны носить любишь?

— Любишь, — подтвердил, поблескивая глазами, фельетонист. — Без штанов нам нельзя!

Лошатников потащил Жандарбекова в юрту. Он открыл чемоданы. Один был доверху набит плиточным чаем, другой — вельветом.

— Торгуешь? — спросил фельетонист.
Лошатников мгновенно заглотнул крючок. Поплавок фельетониста весело затанцевал в воде.
— Ясно, торгую, — сказал Лошатников. — Не для себя же вез. Тащи мала-мала шкурки, сделаем бизнес. Знаешь, что такое бизнес?

— Баран — знаем, бизнес — не знаем!
— Бизнес — это я продавал, ты покупал, ты продавал, я покупал, — объяснил эстражник.

— Значит, ты большой торговый человек, — догадался лжечабан. — Зачем же у нас поешь, танцуешь?

— Это я по совместительству, — резвясь, ответил Лошатников.

— По совместительству, — повторил Жандарбеков и подумал, что это неплохой заголовок для будущего фельетона.

Они еще долго беседовали. Лошатников хвастался своими торговыми операциями, предлагал наладить почтовый обмен «ты шлешь шкурка, я — мотоциклетка» и т. д. Он так распалил воображение фельетониста, что тому не терпелось сесть за пишущую машинку. Наконец Лошатникову надоело хвастаться, и он сказал:

— Вот что, мыслитель, будем закружиться. В последний раз спрашиваю: шкурки бар?

— Джок! — ответил Жандарбеков и пошел прочь.

Лошатников учуял что-то неладное. Вечером приехал из райцентра председатель колхоза. Он пригласил к себе артистов. После сочного бесбармака, приготовленного из молодого барашка, подали в пиалах сурпу. Отхлебывая крепкую, как коньяк, бульонную настойку, Лошатников спросил:

— Хороший чабан этот Жандарбеков?
— Шибко хороший, — ответил председатель. — Я бы его принял в колхоз.

— Он разве не колхозник?
— Чабан... по совместительству, — улыбнулся председатель.

— Он где работает, в районе?
— Бери вышел!
— В области?

— Еще вышел! Фельетоны читаешь? Так вот, он пишет! В «Социалистик Казахстан». Понимаешь? Посудинка задрожала в мужественной руке куплетиста. Расплескивая сурпу, он поставил пиалу.

Ни слова не говоря, Лошатников вышел из юрты.

На горы уже опустилась ночь. Большая луна огибала островерхий пик, закованный в ледяную броню. У юрт, разбросанных по всему плато, лежали отары овец. Овцы, покашливая, отходили ко сну. Рослые, хитрющие сторожевые псы, положив массивные головы на лапы, делали вид, что они дремлют. Великая свежесть от близких снегов, от альпийского разнотравья, от вековых ёлок, стоявших сплошной стеной чуть повыше плоскогорья, не взбудрила Лошатникова.

«Двуногий идиот! — обругал он себя. — Былинный кретин! Кто тебя дергал за язык?»

До него донесся сухой, дробный звук. Будто зашелкал, затаившись в траве, большой металлический кузнечик. Лошатников тревожно прислушался. Да, сомнений быть не могло: стрекотание доносилось из юрты Жандарбекова. Лошатников заглянул внутрь. Фельетонист, поджав под себя ноги, сидел на белой кошме. Перед ним на чемодане стояла портативная «Москва».

— Фельетон? — скучным голосом спросил Лошатников.

— Он самый, — сказал Жандарбеков.

— Про меня?

— Про совместителя.

— Выходит, вы тоже совместитель.

Жандарбеков кивнул головой и с жаром уда-

рил по клавишам.

— Весь мир полон совместителей, — меланхолично заметил Лошатников. — Всем мало одной профессии.

— Что нас еще интересует? — грубовато спросил фельетонист.

— Как он будет называться?

— На заголовок не обидитесь. Подберем что-нибудь подходящее.

— И у вас не дрогнет рука?

— Не дрогнет! — заверил Жандарбеков.

На заре Лошатников покинул джайляу.

Вскоре появился фельетон Жандарбекова. Куплетист сел на мель. Он начал подумывать, что жизнь в искусстве ему не удалась.

Знакомые устроили его администратором в цирковую кавалькаду. А через год все прегрешения Лошатникова были забыты, и он перевелся в гор-эстраду. На этот раз он стал руководителем коллектива, где работал старый иллюзионист Сольди, сын Сольди.

Глава пятнадцатая

Коварный обольститель. На чаше весов — нейлоновая шубка. Космический планктон. Дама из чужой галактики. Сольди уходит в ночь.

Викторина Аркадьевна была далеко не первым увлечением Иннокентия Лошатникова. Сильные чувства несколько раз приводили его в загс. Несмотря на это, он утверждал, что женщины для него, как и для Наполеона, не играют решающей роли.

Викториной Аркадьевной он увлекся неожиданно. Его вдруг потянуло к этой спокойной, уютной, молодой женщине. Со свойственным ему пылом Лошатников бросился в новую любовную авантюру. Жена старого иллюзиониста оказала стойкое сопротивление. Лошатников не отступил. При каждом удобном случае он начинал лобовую атаку.

— Ну что вы нашли в Сольди? — с легким надрывом спрашивал Лошатников. — Вы молодая, обаятельная, полная внутреннего артистизма женщина. Что у вас общего с этим эстрадным Мафусаилом?

— Не смейте так говорить! Я люблю его!
— Любить старцев — ваше призвание?
— Я обожаю его! — упрямо повторяла ассистентка.

— Так я и поверил! — нахально смеялся Лошатников. — Что вы полюбили? Его ревматизм? Радикулит?

— Как вам не стыдно! Перестаньте сию же минуту, или я уйду!

— Нет, вы объясните мне толком: почему вы влюблены в Сольди?

— Он хороший человек, — отбивалась Викторина Аркадьевна. — У него хорошая душа.

— У меня гоже хорошая душа...
— Вы недобрый! Вы злой, грубый! — отвечала Викторина Аркадьевна, думая, что Лошатников кое в чем прав.

Тотальное опорочивание мужских достоинств Сольди не принесло желанного результата. Варварское красноречие Лошатникова не сломило сопротивления Викторины Аркадьевны. Пришлось переменить тему. Эстрадник решил развешать Сольди как артиста.

— И дался вам этот старый иллюзионист! — говорил Лошатников. — Он погубит в вас артистку!

— Он многому меня научил!

— Чему можно научиться в лавке эстрадных древностей? Носить на голове страусовые перья? Подавать ларец с двойным дном? Подставлять ухо, из которого он якобы извлекает сто метров бумажной ленты? Попомните мои слова: Сольди зарежет ваш талант!

— Я не могу быть такой неблагодарной! — изнемогала Викторина Аркадьевна.

— Разве вы мало подарили ему? Вы расплачиваетесь своей молодостью. Это слишком дорогая цена. Оставьте его! Рано или поздно это должно случиться! Эстрадные дни вашего Сольди сочтены!

— Неправда! Его любит публика!

— А вы читали статью «Проблемы эстрады и последние иллюзии»? Очень скоро вашему Сольди придется продать бутылочный бриллиант и чалму. И это будет конец. Он слишком стар, чтобы заново начинать свою жизнь на подмостках. Он уйдет на пенсию. Изредка его будут приглашать на выпускные вечера школы эстрадного искусства. Дедушка салонного фокуса будет выступать с воспоминаниями. Ну, а вы? Что тогда будете делать вы? Сидеть вечерами у его изголовья и ставить на затылок горчичники?

— А что же мне делать? — вырвалось у Викторины Аркадьевны.

— Работать! Жить в искусстве! Доверьтесь мне. Я создам для вас номер. Я вижу афишу:

«Чудо дрессировки!

Десять четвероногих футболистов. ФИНАЛЬНЫЙ МАТЧ НА МАНЕЖЕ!

У меня на примете есть десять собак-бульдогов. Они приходят в неистовство, когда видят футбольный мяч. На этом и будет построен ваш номер. На эстраде футбольные ворота. Вы выходите в шортах, стилизованной майке, со свистком рефери в зубах. Десять бульдогов в трусах и футболках рвутся с поводков. Свисток! Вы кидаете мяч и спускаете собак. Свалка у ворот! Публика, среди которой девяносто девять процентов болельщиков, стонет от счастливых ассоциаций. Успех обеспечен!

— Я боюсь собак, — потупив глаза, сказала Викторина Аркадьевна, давая понять, что и впрямь дни Сольди сочтены.

— Тогда к черту собак! — с необычайным воодушевлением воскликнул Лошатников. — Создадим другой номер! Сверхсовременный аттракцион! «Женщина из космоса!» На эстраде темно. Тревожная барабанная дробь. Лучи прожекторов выхватывают из тьмы космической снаряд. Вот он опустился. Открывается люк. И выходите вы, дама из другой галактики. На вас чешуйчатое трико и высотный скафандр. Слышится потусторонняя музыка. Вы исполняете несколько па из «Марсианского танца». Затем снимаете скафандр и начинаете показывать фокусы!

— Я согласна! — выдохнула Викторина Аркадьевна, подавленная величием замысла.

Викторина Аркадьевна начала исподволь подготавливать старика Сольди. Иллюзионист заволновался. Смутные догадки тревожили его душу. Он по-прежнему боготворил жену.

В Москве, куда бригада прибыла на эстрадное переформирование, старик удвоил заботы о жене-ассистентке. Невысказанная нежность сжимала его тронутое склерозом сердце. Он думал: «Бедная девочка, у нее так мало радостей! За всю совместную жизнь я не сделал ей ни одного маленького приличного подарка».

Когда старик созрел для самоотверженных решений и опрометчивых поступков, он пошел в коммиссионный магазин.

— Маэстро, — сказал Веня-музыкант. — Вас совсем не видно. Вы вернулись с гастролей на Западе?

— С Востока! — односложно ответил Сольди.

И добавил: — Мне нужен подарок для дамы.

— Если вы не поскупитесь, то получите изумительную шубку! — сказала Матильда Семеновна.
— Я слишком стар, чтобы скупиться для молодой жены, — с грустной иронией ответил иллюзионист.

Он мужественно заплатил деньги. Ликуя, он принес нейлоновую диво домой. Викторина Аркадьевна сдержанно поблагодарила мужа. Шубка появилась слишком поздно. Викторине Аркадьевне не терпелось уже покинуть старика. Ей мерещилась «Дама из чужой галактики». Лошатникову тоже все больше нравилась его идея, высказанная в минуту любовного озарения. «Может получиться грандиозный номер, — думал он. — Космос — это вещь!»

Впрочем, так думал не только Лошатников. Халтурщики всех родов литературного оружия, поизживая от нетерпения, устремились вслед за ракетами в межзвездное пространство. Благодаря их усилиям неизмеримые просторы вселенной сузились до размеров прогулочного пятачка в периферийном парке. Величественная проблема завоевания космоса была сведена к привычным любовным пустячкам. Луна, вздыхая, ждет ухажеров. Марс влюблен в Венеру. Земля ревнует к Луне. Ракета кокетничает с астероидом.

В космосе оказался корм. Космический планктон. Халтурщики с жадностью накупились на него. Прорыв человеческого гения во вселенную рассматривался с точки зрения автобусного пассажира. Тем было до черта! Космический поезд опаздывает. В межпланетном корабле не уступили место старушке. Кондуктор межгалактического экспресса недодал сдачу.

Куплетисты пускали в неведомое огненные стрелы своей сатиры. В созвездии Ориона пассажир не может купить квасу. На Водолее живут докладчики и т. п.

Лошатникову страстно хотелось включиться в пляску халтурщиков со своей «Дамой из чужой галактики».

Викторина Аркадьевна форсировала события. Произошло тяжелое объяснение со старым иллюзионистом. Она ушла от Сольди, оставив ему обручальное кольцо, фотографию и нейлоновую шубку.

Сознание собственного благородства позволило ей легко пережить разрыв.

Старик был подавлен. Он едва шевелился под обломками семейного очага. Несколько дней он не выползал из своей комнаты. Он не брился, питался галетами и плакал по ночам.

На свет божий его извлек администратор. Он повез Сольди на шефский концерт. Старик с превеликим трудом показывал свои фокусы. Он ронял на пол волшебные предметы, путал, запихал живую утку не в тот ящик и долго не мог ее найти. Руки у него дрожали.

Сольди не включили в очередное гастрольное турне. Ему намекнули, что настало время всерьез подумать о пенсии. Старый иллюзионист с непонятным спокойствием выслушал свой приговор. Он не стал спорить. Он ушел, не проронив ни слова, будто разговор шел не о нем.

По дороге домой он купил три круга копченой колбасы, четвертку чая, буханку обдирного хлеба и галет. Он надолго заперся в своей комнате. По целым дням он валялся на тахте, худой, заросший жесткой седой щетиной, похожий на большого Дон-Кихота. Шевелил губами, неслышно произносил все тот же монолог:

— Ну что ей со мной! Ничего ей со мной. Старый я. Старый я дятел. Молодая она. Что ей со мной! Она жить хочет.

Через неделю он поднялся. От галет и сырокоченой колбасы у иллюзиониста начался жесткий колит. Старик нехотя пошел в аптеку.

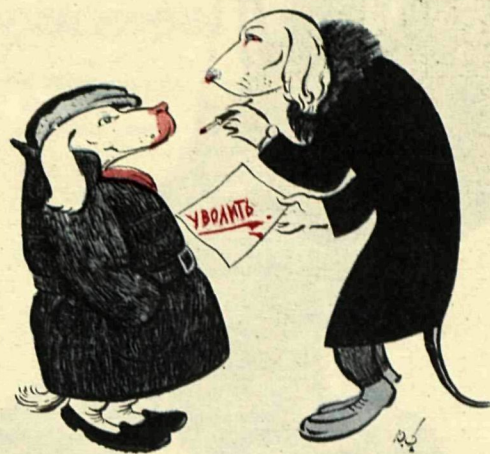
Был солнечный день. Лето хозяйничало в городе. В сквере шумела густая листва. И крупные краснодарские розы источали неправдоподобные ароматы. На «Пенсион-стрит», как шутило называли большую магистраль сквера, старички сражались в шашки. Молодые мамы млели у обтекаемых колясок. Дети играли в астронавтов. По улицам сплошным потоком катилась пол-летнему яркая, многоголосая толпа.

Москва походила на большой корабль, поднимающий в праздник флаги расцветивания.

Старик постоял в сквере. Солнце заключило его в свои объятия. Ему захотелось жить. Не заходя в аптеку, он вернулся домой. Сбрил недельную бороду, надел «бабочку», серый, в талию, пиджак и пошел в горэстраду.

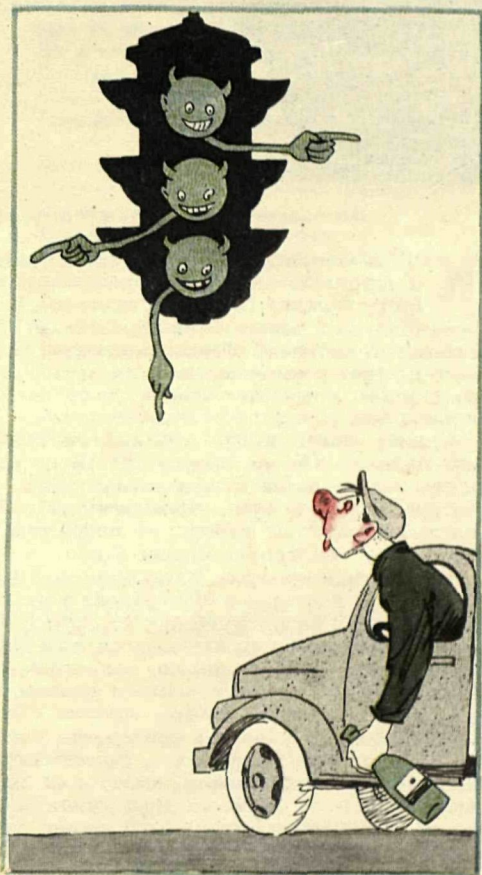
(Продолжение следует.)

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

— За что уволили!
— Надо было лизнуть, а я гавкнула.

Рисунок М. СОКОЛОВА

На распутье.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

— Дайте жалобную книгу!
— Возьмите.

МОРАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ ФРЭНКА ПЕЙСА

Это было настолько законченное воспитание, что в Гарвардском университете, куда его послали родители, юноше буквально нечему было учиться. Наверное, именно поэтому успехи его в науках были, если выразиться деликатно, далеко не блестящими.

Во время второй мировой войны мистер Пейс, уже женатый мужчина, мужественно просиживал брюки в Управлении транспортной авиации. Битвы, в которых он участвовал, носили чисто словесный характер и происходили в основном в Вашингтонских кулуарах. Не мудрено, что к концу войны у Пейса остались самые теплые воспоминания о поле брани. Вернувшись к папе, он попросился обратно в столицу.

Папа Пейс привел сына Пейса к приятелю и попросил пристроить мальчика куда-нибудь на солидное место. Через несколько дней Фрэнк Пейс начал свою стремительную карьеру в бюрократических джунглях Вашингтона. Налоговое управление, почтовое ведомство, бюджетное бюро — должности сменялись, но он упорно лез вверх по иерархическо-бюрократической лестнице. И вот, наконец, мистер Пейс становится военным министром.

Это был уже достаточно высокий трамплин. Залезть на него было нелегко, зато прыгать с него труда не представляло. Нужно было лишь выбрать местечко помягче. В 1953 году он прыгнул прямо в теплые объятия гигантской военной корпорации «Дженерал дайнемикс».

ТЕПЕРЬ на минутку покинем Фрэнка Пейса и обратим свои взоры на джентльмена по имени Джон Джэй Гопкинс. В 1937 году сорокалетний, брызжущий энергией Гопкинс стал президентом небольшой судостроительной компании «Электрик боут». К концу второй мировой войны он был уже умудренным опытом военным промышленником. Почуввав своим тонким биржевым нюхом, что предстоят долгие годы «холодной войны», Гопкинс принялся лихорадочно скупать различные военные фирмы. Империя вооружений, которую он создал, стала называться «Дженерал дайнемикс».

Столь титаническая созидательная деятельность основательно подорвала здоровье мистера Гопкинса, и он начал подыскивать себе наследника. Здесь-то в его объятия и прыгнул со своего мильистерского трамплина Фрэнк Пейс. «Дженерал дайнемикс» и Пейс подходили друг другу, как идеально подобранная пара молодоженов.

Пейс блестяще знал все Вашингтонские лабиринты, всю кухню военных заказов, а «Дженерал дайнемикс» с удовольствием положила ему для начала 85 тысяч долларов в год и на пару миллионов долларов акций. Короче говоря, брак оказался удачным. Обе стороны испытывали друг к другу самую нежнейшую привязанность, и не мудрено, что после смерти Гопкинса в 1957 году Фрэнк Пейс стал хозяином корпорации, имеющей более 100 тысяч рабочих.

На раскидистом древе «Дженерал дайнемикс» насчитывается семь крупных ветвей, и на каждой из них зреют смертоносные плоды. На одной висят межконтинентальные ракеты «Атлас», с другой свисают атомные подводные лодки. На третьей можно заметить сверхзвуковой бомбардировщик, а там виднеются радарное оборудование и атомные установки.

Это древо не выносит тепла и плодоносит только в климате «холодной войны». Вполне естественно, что в корпорации почетное место занимают те, кто завоевал себе прочную репутацию холодильных дел мастеров.

«Дженерал дайнемикс» держит на жалованье около двухсот отставных офицеров

высших рангов, на которых слово «мир» действует так же, как жара на пипертоников. В корпорации огромным авторитетом пользуется «отец» водородной бомбы физик Эдвард Теллер, который силится убедить американцев в том, что атомная радиация — это божья роса.

В списках личного состава находятся и многие бывшие сотрудники Комиссии по атомной энергии, ярые противники запрещения испытаний атомного и ядерного оружия. Короче говоря, трудно найти в Соединенных Штатах Америки другой такой дружный хор сторонников «холодной войны», каким является коллектив «Дженерал дайнемикс».

Неспроста Фрэнк Пейс считается главным и любимым поставщиком двора его величества Пентагона. Ему перепадает львиная доля военных заказов. Другие фабриканты оружия считают Пейса счастливым и завидуют ему черной завистью. Когда бухгалтерия фирмы «Дженерал дайнемикс» подводит баланс, выясняется, что за год в сейфах фирмы оседает рекордно толстый слой золотого жира — приблизительно пятьдесят миллионов долларов чистой прибыли.

Вот почему Пейс прямо и непосредственно, всеми фибрами своей души заинтересован в гонке вооружений. Мы охотно верим, что, уходя на работу, фабрикант консервированной смерти чмокает свою белокурую супругу и ласково треплет за щечки милых дочерей. Но мы убеждены, что на самом деле мистер Пейс не любит своих чад и домочадцев. Иначе он не стал бы так рикошетно играть их жизнями.

ЕСТЕСТВЕННО, что руководство гигантским концерном смерти требует незаурядных дарований. И мистер Пейс, надо сказать, достойно несет на себе тяжкое бремя ответственности. Помимо чисто хозяйственной деятельности, ему приходится быть еще и философом. Судите сами, какой глубиной мысли блещет такое, например, его высказывание: «Сохранять направленное против СССР равновесие сил с помощью американских военных баз за границей — это наш моральный принцип».

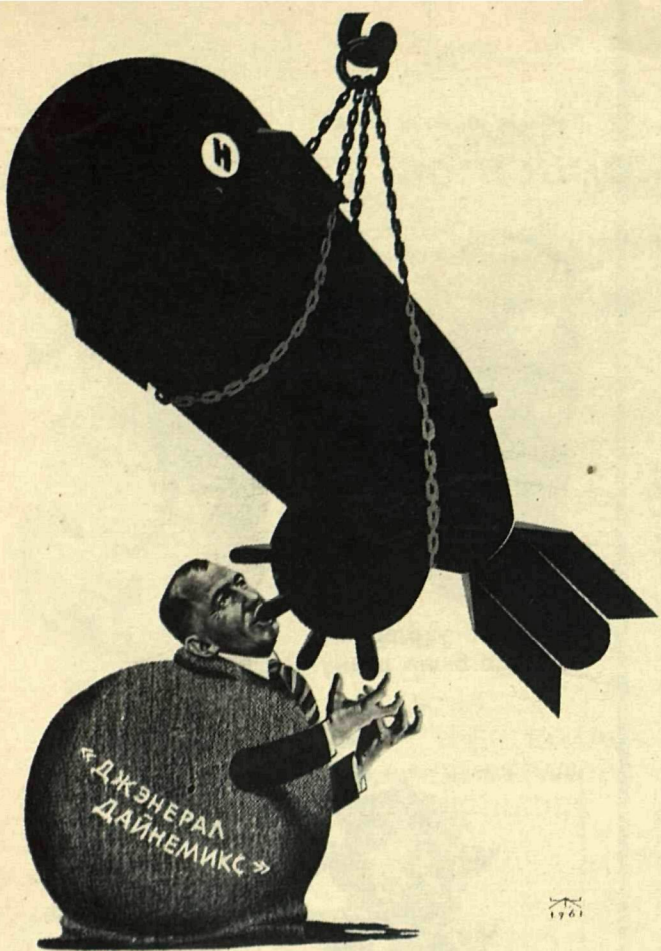
Вот как, оказывается, обстоит дело! Не какие-нибудь там соображения наживы, а моральные принципы руководят мистером Фрэнком Пейсом в его кипучей деятельности против мира. А за моральный принцип можно и пострадать, хотя особых страданий военные заказы Пейсу не причиняют.

Другое из философских высказываний Пейса заключалось в признании того, что «Дженерал дайнемикс» ведет свою «частную войну» против Советского Союза. Судя по тому, что не проходит и недели, чтобы Пейс не отправился из Нью-Йорка в Вашингтон, там есть немало людей, которые прекрасно понимают его и склонны считать его «частную войну» своим общим делом. Наверное, именно этих людей Пейс имеет в виду, когда утверждает, что цель «Дженерал дайнемикс» — это служение обществу. Обществу защитников «холодной войны» — следует добавить для ясности.

В этом обществе Пейса ценят высоко. Не случайно, что в прошлом году он возглавил комиссию экспертов по формулированию целей и политики США. Можно не сомневаться, что он постарался сформулировать такие цели и такую политику, которые вполне устраивают его военный концерн.

В прошлом Пейс привык к тому, что в Вашингтоне его отлично понимали. Понимают ли его сейчас? Этот вопрос должен решиться в самом недалеком будущем. Судить об этом можно будет не только по доходам «Дженерал дайнемикс»...

3. ЮРЬЕВ

Фотоколлаж А. Житомирского.

КОГДА читаешь в американских газетах и журналах статьи, посвященные мистеру Фрэнку Пейсу, на глаза так и наворачиваются слезы умиления. Ну до чего скромный человек! Лишь искусство портного не дает возможности разглядеть у него за спиной пару маленьких белоснежных крылышек.

Судите сами: соседи никогда не видели его пьяным. Он ни разу в жизни не взял в рот сигареты, не говоря уж о трубке или сигаре. Обожают своих трех дочерей и никогда не уходит на работу, не поцеловав на прощание белокурую миссис Пейс.

В девять ноль-ноль служащие его манхэттенской конторы в Нью-Йорке уже знают, что шеф за письменным столом. У мистера Фрэнка Пейса начинается новый рабочий день. Скажем прямо, нелепый день. Ведь Пейс, по его собственным словам, ведет свою «частную войну» против Советского Союза. В качестве президента компании «Дженерал дайнемикс», производящей полный джентльменский набор для порячей войны — от атомных подводных лодок и до межконтинентальных ракет «Атлас», — мистер Пейс олицетворяет собой дух «холодной войны».

В 1913 ГОДУ в городе Литл-роке, в штате Арканзас, в семье крупного адвоката Пейса родился мальчик, которого окрестили Фрэнком. Различали ли родители в хныканье младенца повелительные нотки будущего воротилы военной промышленности, неизвестно, но воспитание он получил вполне подходящее для уготованной ему судьбы.

Как сын преуспевающего адвоката, он рано понял, что преступление перестает быть преступлением, если оно уравновешивается на весах Фемиды должным количеством долларов.

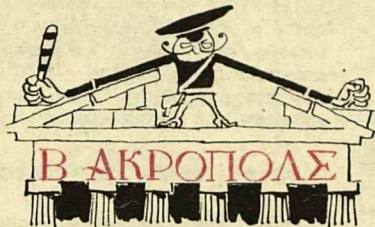
Как уроженец Литл-рока, города, который впоследствии прославился на весь мир самым оголтелым расизмом, он быстро понял и полюбил самую суть американской демократии.

Как сын матери, которая до брака была президентом банка, юный Фрэнк твердо усвоил, что от избытка долларов еще никто не умирал.

Как член семьи, в которой игра в гольф составляла настоящий культ, мальчик уже в девять лет научился гонять клюшкой маленький шарик. Тем самым он приобрел важнейшее достоинство, необходимое для государственного деятеля.

Из дневника туристов-юмористов

Недавно мы проделали большое морское путешествие вокруг Европы. Вот несколько страничек записей из нашего путевого блокнота.

Подумать только: мы в Акрополе!
Нет, перед нами не музей —
Ведь мы ж по лестницам протопали,
Где, может быть, ходил Тезей,
Где запросто, шурша хитонами,
Гуляли боги и цари...
Стоять под этими колоннами
Нам странно, что ни говори!
А гид как раз и говорит,
Гордится храмом вечной твердостью
И с нескрываемою гордостью
О демократии твердит:
— Здесь все и первое и раннее:
Впервые здесь, у Пропилей,
Собрался демос на собрание,
Чтоб провести голосование
И переборы царей!
Вот так, как слово и понятие,
Здесь двадцать пять веков назад
На свет явилась демократия,
Чему я рад, как демократ!
Гид прав. Зарею человеческой
Недаром Грецию зовут.
Но как сейчас в столице греческой
Ее традиции живут!
И вот вопрос невольный врезался,
Он здесь возник не без причин:
Как совместите дело Глезоса
Вы с демократией Афин!
История!
Как нам понять ее!

Откуда шла, к чему пришла!
Возможно ли, чтоб демократия
Родилась здесь, но как понятие
В дальнейшем здесь же умерла!

Афины.

В искусстве вечном образ женщин
С большой любовью отражен,
И преклонением увенчан,
И ореолом окружен.
Мечтою были для поэта,
Как идеал, как дивный дар,
И Джоконда, и Джульетта,
И Бовари, и Жанна д'Арк!
Но в современное искусство
Париж, и Рим, и Голливуд
Иные вкладывают чувства,
К другим эмоциям зовут.
У них иные идеалы,
И с современных героинь
Они срывают покрывала
[Точнее скажем, одеяла],
Чтоб сотворить себе богинь!
Для нас открыты фильмом новым
Не мысль, не чувства, а тела...
Выводят женщин здесь... Ну, словом,
В том, в чем их мама родила!
Неважно, что танцуют вяло
На сценах табуны девиц,
Но важно, чтоб на радость зала
Вся их одежда состояла
Лишь из накрашенных ресниц!
И отступает Монна-Лиза
Пред конкуренцией стрип-тиза,

И Жанна д'Арк, хоть и солдат,
Краснеет с головы до лат!
Понятно нам ее смущенье,
И мы, покинув бельэтаж,
При старом остаемся мненье:
Искусство — это вдохновенье,
Искусство — это откровенье,
И красота, и очищенье,
Но не предбанник
и не пляж!..

Париж.

Туристов водят в Пантеон.
Конечно, он того достоин,
Нас он волнует тем, что он
Две тыщи лет назад построен.
Но в нем нет старости примет,
Сейчас в нем прочно все и ново,
Как и тогда, за тридцать лет
Еще до рождения Христа!

Быть может, узок этот взгляд,
Подход такой, возможно, мелок,
Но эти стены говорят,
Что он две тыщи лет назад
Построен был без недоделок!
...Когда порою жилмассив
Всего по истеченье года
Уже не нов и некрасив,
Когда от крыши и до входа
В нем все скрипит и все трещит
И он стоит, как инвалид
Домостроительного фронта,—
Вздыхаем мы:

«А Пантеон-то
Уже две тыщи лет стоит
Без капитального ремонта!»

Рим.

В РЕСТОРАНЕ «ТАНАНАРИВЕ»

Чомбе, Калонжи, Илео, Касавубу: «Кушать подано!»

Пособники колонизаторов Чомбе, Касавубу, Калонжи, Илео решили уничтожить Республику Конго, расчленив ее на десять «независимых государств». Это решение было принято на конференции в Тананариве.

(Из газет).

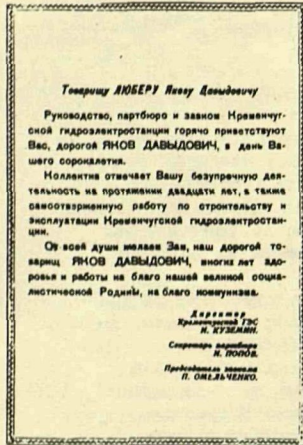

Рисунок Бориса ЛЕО

ПОХВАЛА СКРОМНОСТИ

Типография Кременчуггэстроя, по указанию руководства станции отложив в сторону все прочие дела, отпечатала в порядке срочного боевого заказа красочный юбилейный адрес начальнику отдела труда и зарплаты Кременчугской ГЭС:

В одном этом факте выпуска типографским способом красочного адреса некоторые не в меру ретивые критики усмотрели нездоровую юбилейную шумиху.

Подобные обвинения надо решительно отместить. Помните, какая это шумиха?! Парада по случаю юбилея не было? Не было! Артиллерийского салюта не было? Не было! Даже торжественного собрания и то не созывали.

Наоборот, мы обязаны воздать должное скромности Я. Д. Любера как юбиляра. Я. Д. Любер, учитывая хорошее к нему расположение руководства, легко мог добиться, чтобы оно торжественно отметило два года назад его тридцативосьмилетие и т. д.

Дабы пресечь в дальнейшем досужие кривотолки, Крокодил охотно предлагает Я. Д. Люберу свои услуги: при очередном юбилее, Яков Давыдович, обращайтесь непосредственно в Крокодил. Силами лучших художников и поэтов Крокодил совершенно бесплатно изготовит приветственный адрес, где, само собой разумеется, в звучных рифмах и красочных рисунках будет воспета ваша исключительная и завидная скромность.

НА «БИС!»

В № 1 журнала «Юность» за прошлый год мы находим такую уморительную юмореску:

«Студент. Я во сне часто вижу себя профессором. Что делать, чтобы сны сбылись?»

Второй студент. Поменьше спать».

В № 9 того же журнала «Юность» находим юмореску еще более забавную:

«— Я во сне вижу себя профессором. Что делать, чтобы сон сбылся?»

— Поменьше спать».

Надо надеяться, в одном из ближайших номеров «Юности» нас порадуует еще более свежей вариацией на эту тему.

В ТОВАР-ЛИЦОМ!

БЮЛЕТЕНЬ БОРЬБЫ С БРАКОМ № 5
10 апреля 1961 года

ле того, как правая рука свое уже отыграла, левая, бедная, еще пять минут мается в одиночестве. Поэтому музыканты, которым судьба-злодейка подсунила свердловский баян, как правило, не укладываются в регламент концерта.

АБСТРАКТНЫЙ ШЕДЕВР

Спутники строят по чертежам, а комоды — по вдохновению. Во всяком случае, так думают на Вяземском комбинате бытового обслуживания.

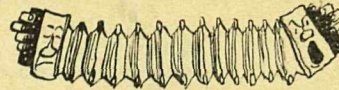
Попуту мастера, поплевав на руки, берутся за топоры. Какая красота родится к вечеру из пены стружек, они себе точно не представляют. По причине отсутствия чертежей и эталонов один комод не похож на другой, а все они вообще ни на что не похожи. На какой-нибудь зарубежной выставке современного искусства вяземское сооружение из гвоздей и изъеденного червем дерева вполне могло бы сойти за абстрактную скульптуру «Сон лешего» и даже произвести некоторую сенсацию.

Цены на свои изделия Вяземский комбинат устанавливает тоже в порыве вдохновения — по наитию. И это окончательно убеждает нас в том, что каждый вяземский комод — неповторимое произведение абстрактного искусства.

БАЯН ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

Вам поручили организовать концерт художественной самодеятельности в клубе. Вы делаете приблизительную раскладку времени на каждый номер. Скажем, Вася Тюлькин исполнит на баяне «Во поле березонька стояла» — четыре минуты. Но погодите, прежде чем писать, узнайте, на каком баяне играет Вася. Если на том, что выпускает Свердловская баянная фабрика, кладите все десять минут.

Левая и правая механика установлены у свердловского баяна так, что левая западает и не поспевает за правой. Правая рука уже выводит: «Люли-люли стояла», — а левая еще только нутужно выжимает: «Во поле бе...» Пос-

250 ИЗ 300!

Отнюдь не всякая посуда обязана быть небьющейся. Воссе нет. Например, тарелочки для спортивной стрельбы обязаны разлетаться вдребезги при первом метком выстреле. Скорее всего именно такие тарелочки выпускал завод «Октябрь» (Могилевская область), прежде чем переключился на изготовление граненых стаканов. И, наверное, еще со времени выпуска этих тарелочек в стаканном цехе висит плакат: «Добьемся отличной ломкости изделий!» Явно под этим лозунгом были изготовлены 300 стаканов, попавших в столовую Ижемского сельпо (Коми АССР). Несмотря на то, что стаканы предварительно подогрели, 250 из них лопнули при первом же соприкосновении с кипятком.

Возможно, что на заводе «Октябрь» сочтут оставшиеся пятьдесят стаканов браком. В селе Ижма придерживаются противоположного мнения.

АНТИГОСТЕВОЙ АГРЕГАТ

Вас одолели иногородние родственники. Они гостят у вас неделями, забыв о том, что их ждут дома. Намеки не действуют. Что делать?

Спасти вас может только одно средство — так называемый мягкий диван из Тюмени, сработанный комбинатом «Красный Октябрь». Это мощный антигостевой агрегат. От вас требуется всего-навсего уложить родственника на диван и уйти из комнаты. Остальное ком-

бинат «Красный Октябрь» берет на себя.

В первую минуту гость чувствует себя так, как будто его окунали в холодные воды Баренцова моря. Откуда несчастному родичу знать, что диваны перед отправкой в магазин заботливо выдерживали во

дворе под метровым слоем снега. Поэтому по насыщенности влагой сочный тюменский диванчик не уступит спелому астраханскому арбузу.

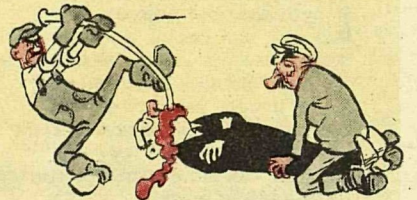
Ваш родич вертится с боку на бок в поисках удобной позиции. Но ему нет спасения. Комбинат все предусмотрел. Пружины вырываются из непрочных гнезд и вонзаются в тело несчастного.

Тут уже самый недогадливый гость осознает всю мудрость афоризма, гласящего, что в гостях хорошо, а дома лучше. Он убегает без оглядки, и вам лишь остается запереть за ним дверь.

ИЗ ДНЕВНИКА ДЕГУСТАТОРА

Ниже мы приводим несколько записей из дневника члена дегустационного совета кондитерской промышленности Министерства торговли РСФСР.

Понедельник. Иркутская кондитерская фабрика в связи с многочисленными жалобами и не менее многочисленными проверками (за последний год — 12 раз) прислала нам 11 образцов своей карамели. Все образцы слиплись, превратившись в сплошную вязкую массу. Для того, чтобы взять в рот дегустационный образец, долго отковыривали его ножницами.

Взял карамель в рот и вспомнил сразу детство, ночное, костры... Начинка пахнет дымом. Пробовал выплюнуть. Не смог. Рот склеился и не открывается.

Вторник. Рот по-прежнему склеен. Объясняюсь знаками или пишу на бумажке.

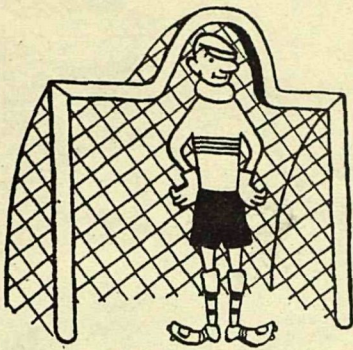
Четверг. Врачи категорически отказываются помочь. Рот по-прежнему склеен. Похудел на три килограмма. Надежды на то, что карамель растает, не оправдались.

Суббота. Слава богу! Я спасен. Выручил меня знакомый шофер, который влил мне в рот немного уксуса. Перехожу на другую работу...

ВНИМАНИЮ ЗАГОТОВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ!

Если вам понадобятся дырчатые ящики для транспортировки фруктов и овощей, пользуйтесь ящиками от столов, выпускаемых 1-й мебельной фабрикой Мосгорисполкома. Благодаря многочисленным легко выпадающим сучкам в их стенках вы получите тару с идеальной вентиляцией. Гарантируется достаточное количество дырок для перевозки самых скоропортящихся грузов!

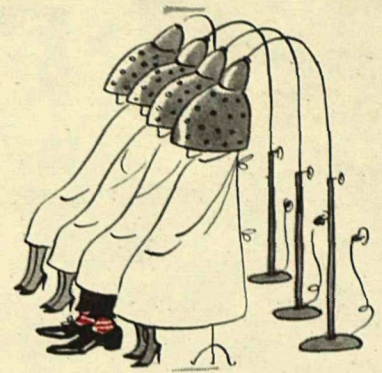
Без слов.

Дамоклов мяч.

Дойная «коровка».

Без слов.

ПРИМЕТА ВРЕМЕНИ

Меняются понятия век за веком...
Советует внучонку дед Пахом:
— Учись и станешь видным человеком:

Артистом,
Инженером,
Пастухом!

И. МИХАЙЛОВ

СЕРДОБОЛЬНЫЙ ХОМУТ

— Я страсть коня жалею! —
Сказал Хомут
И сел ему на шею.

И. ДАНИЛОВ
Сталинградская область.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Письмо обсуждалось на совещании работников магазина № 1. Факт обчета не подтвердился. Работники магазина и зав. магазина т. Кувыров предупреждены о том, что при повторении подобных случаев будут строго наказаны».

(Из объяснительной записки зам. начальника орс. отделения дороги тов. Алексеева).

Копию сняла Г. РОМАНКИНА
г. Волхов.

«Без предварительного снятия шкуры убой свиней запрещается».
(Объявление).

«Уважаемая редакция! Я родитель, как и все родители, имеющие детей от одной и более жен, прошу у вас совета...»
(Из письма в редакцию).

«Мы обязаны сделать наши недостатки нашими достоинствами».
(Из выступления кинорежиссера).
Собрал В. БАБЕНКО

г. Линая.

Что нового

В сатирическом цехе

С ПУТЕВКОЙ КРОКОДИЛА, как участник его выездных бригад, работал ленинградский поэт-сатирик В. Иванов на уборке урожая в Кокчетавской области, на стройке алтайского «большого капрона», на ударной стройке семилетки в городе Рудном. И вот новая книжка библиотеки журнала. Названа просто: «С путевкой Крокодила». Иллюстрирована товарищем поэтом по крокодилским выездным бригадам, художником Ю. Черепановым.

«РЕПОРТАЖ С ТОГО СВЕТА»... С какого именно? А с того, что по другую сторону океана. Там побывал в составе делегации УССР на Генеральной Ассамблее ООН редактор «Перца» Ф. Макивчук. Его сатирический дневник выпущен киевским издательством «Молодь».

«СЕМЕЙНЫЙ КОНФЛИКТ», возник между колхозным агитатором Павлом Казарцевым и его матерью дояркой М. Казарцевой. А по какому поводу, подробно рассказано в одноименной книге орловского писателя В. Кюмова. Она выпущена Орловским книжным издательством.

«ЖЕНА МОЯ СТРОПТИВАЯ», сетует герой юморески батумского поэта К. Рамишвили. Эту горькую жалобу вместе с другими юмористическими стихотворениями сделал достоянием читателей Госиздат Аджарии.

«ТАКАЯ БЫЛА СО МНОЙ ИСТОРИЯ...» — заголовок изданной в Днепропетровске первой книги местного журналиста И. Ивашевича. Тут и «Квартирный вопрос» поставлен, и про «Черные брови, карие очи» сообщено, и о «европейской натуре» Жени Канарейкиной (она же Дженни и Жаннет) все, как есть, рассказано.

ФЕЛЬЕТНЫ И, Паначевого содержат «Откровенный разговор» о том, что происходит «Дома и на службе», а также «На заседательском поприще», как-то «Канцелярские всходы» и о многом ином. Книга вышла в кишиневском издательстве «Карта молдовеняск».

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Товарищ капитан, русалку поймали!
— Выбрасывай! Тары нету!

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ [М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ], С. Д. НАРИНЬЯНИ, А. Н. РЕМЕЗОВ [ответственный секретарь], И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМИРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 01259.

Изд. № 556. Подписано к печати 29/III 1961 г.

Формат бум. 70×108½. Тираж 1 500 000 экз. Заказ № 904. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

...И В ХВОСТ И В ГРИВУ.

88

ЮГ
61